

ИЗ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

УДК 903.22«653»(571.150)

В.В. Горбунов, А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ БЛЯХИ В ВИДЕ ВОИНОВ-ВСАДНИКОВ ИЗ ПАМЯТНИКА СРОСТКИ-I: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ И РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ*

Представлены результаты исследования двух металлических блях периода раннего Средневековья, изображающих вооруженных всадников. Находки хранятся в Бийском краеведческом музее им. В. Бианки (Алтайский край, Россия). Они были обнаружены М.Д. Копытовым при раскопках в 1925 г. одного из курганов на хорошо известном памятнике Сростки-I. Излагается история публикаций этих своеобразных артефактов, дается описание формы и конструкции блях, указываются размеры. Подробно рассмотрены особенности изображения всадников и лошадей, предметов вооружения и снаряжения. Приведены графические рисунки и фотоснимки музейных экспонатов. Проанализированы результаты химического анализа изделий, полученные с помощью портативного рентгенофлюоресцентного спектрометра. Очерчен круг аналогий публикуемым бляхам-всадникам среди материалов археологических комплексов VIII–XI вв. и случайных находок. Отмечено, что основной ареал бытования таких изделий совпадает с территорией распространения памятников сросткинской культуры.

Ключевые слова: Лесостепной Алтай, Бийский музей, предметы торевтики, изображения конных воинов, рентгенофлюоресцентный анализ, сросткинская культура, эпоха Средневековья.

DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-13

Введение

В экспозиции Бийского краеведческого музея им. В. Бианки (далее – БКМ) на стенде, который посвящен сросткинской культуре, среди других предметов есть две бляхи из цветного металла, изображающие вооруженных всадников. Они, судя по инвентарным книгам, входят в состав археологической коллекции, полученной М.Д. Копытовым при раскопках курганной группы Сростки-I в 1925 г. (рис. 1.-1). На указанные изделия почти сразу же обратили внимание исследователи. Первым прорисовку одной из блях опубликовал М.П. Грязнов [1930, рис. 168]. Затем фотографии двух блях привел в своей работе В.В. Захаров [1935, s. 28, taf. VIII.-4–5]. Чуть позже, со ссылкой на него, переопубликовал находки Н. Феттих [Fettich, 1935, s. 59, tab. XXXI.-4–5]. В дальнейшем эти ранние публикации послужили исходным материалом для последующих демонстраций. Так, рисунок одного такого всадника в таблице по сросткинской культуре дал В.А. Могильников [1981, рис. 27.-49]. В свою очередь, он лег в основу рисунка, использованного Ю.С. Худяковым [1986, с. 198, 201, рис. 93.-4] при характеристике комплекса вооружения кимаков.

Первые прорисовки блях-всадников из памятника Сростки-I были схематичными (рис. 2.-1–2). Не отличались хорошим качеством и фотографии. В отмеченной публикации В.В. Захарова они сильно подсвечены, а в работе Н. Феттиха, хотя и более контрастны (рис. 1.-3–4), но дают лишь самое общее представление об изделиях. Можно обратить внимание на то, что у М.П. Грязнова нарисован верхний всадник из рассмотренных фотоснимков, а у В.А. Могильникова – нижний, но в деталях они в разной степени расходятся с фотографиями (рис. 2).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»).

Рис. 1. Курганная группа Сростки-I: 1 – центральная часть памятника до раскопок в 1925 г. (фото в экспозиции БКМ); 2 – современный вид некоторых археологических объектов. *Фотоснимки А.А. Тишкина*

Сначала указанные обстоятельства, а затем возобновившиеся современные раскопки на памятнике Сростки-I (рис. 1.-2) обозначили необходимость повторного обращения к оригиналам для их более тщательного исследования.

В 1990 и 1995 гг. В.В. Горбунову удалось поработать в БКМ со сросткинскими бляхами-всадниками. Сначала были сделаны «протирки» и прорисовки предметов (рис. 3.-1а, 2а), а затем выяснено их происхождение по музейной документации. Результаты этой деятельности опубликованы [Неверов, Горбунов, 1996, рис. 7.-1, 3; Горбунов, 2003, с. 9, рис. 36.-1–2; Горбунов, 2010, с. 16–17, рис. 1.-1–2] и учитывались другими специалистами, изучавшими подобные изделия [Борисенко, Худяков, 2007, с. 82; Борисенко, Худяков, 2008, с. 44; Король, 2008, с. 127, 131]. В перечисленных изданиях

появились перерисованные изображения сrostкинских всадников [Борисенко, Худяков, 2007, рис. 5.-1-2; Борисенко, Худяков, 2008, рис. 7.-1-2] и более качественные их фотографии [Король, 2008, табл. 13.-15-16].

В 2016 г. работа археологов АлтГУ с коллекцией из памятника Сrostки-I в БKM была продолжена. Для этого стенд, упомянутый в начале статьи, был изъят из экспозиции и размонтирован. Все имевшиеся там находки детально изучены, а потом возвращены на свое прежнее место. В ходе данного процесса А.А. Тишкиным проведена двухсторонняя цветная фотофиксация блях с всадниками (рис. 4) и осуществлен их рентгенофлюоресцентный анализ, а А.Л. Кунгуровым выполнена зарисовка данных изделий (рис. 3.-1б, 2б). Эти новые результаты с учетом ранее установленных сведений заслуживают анализа и введения в научный оборот.

Материалы и методы исследований

Наиболее подробная опись коллекции из могильника Сrostки-I, составленная С.М. Сергеевым в 1939 г., содержит следующую запись о бляхах с всадниками: «Подвески: всадник на лошади кругом головы нимб» – 3 шт. (№849/7). В старых книгах №1 (1913–1939 гг.) и №2 (1918–1942 гг.) они значатся среди группы из 16 вещей, названной «украшения женщин нагрудные» (книга 1 – №153, книга 2 – №895). По описи, составленной В.Н. Данильченко в 1947 г., эти изделия фигурируют под №2524. В экспозиции БKM выставлены две подвески, в фондах их нет, поэтому один экземпляр либо со временем утрачен, либо в описях допущена ошибка и блях было только две. Последнюю версию подтверждают ранние публикации фотографий, где отражены лишь два всадника. Косвенно на эту версию указывает и находка в неграбленном детском погребении могильника Кондратьевка-IV именно двух аналогичных блях-всадников [Алехин, 1998, с. 202].

Оба сrostкинских изделия изготовлены в технике литья и представляют собой фигуры всадника верхом на лошади, показанные с левой стороны. Первая подвеска (рис. 3.-1; 4.-1) имеет наибольшую высоту 4 см (от

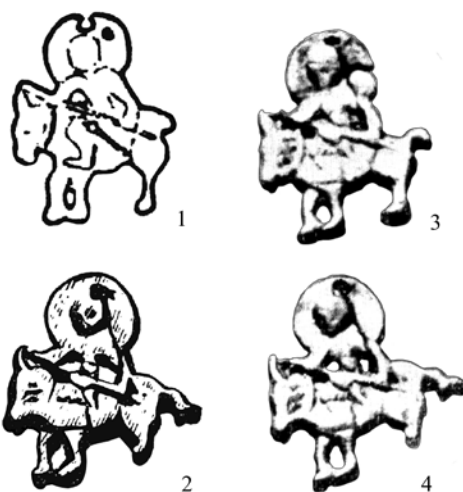

Рис. 2. Изображения блях-всадников из могильника Сrostки-I в ранних публикациях (по: 1 – [Грязнов, 1930, рис. 168], 2 – [Могильников, 1981, рис. 27.-49], 3–4 – [Fettich, 1935, táb. XXXI.-4–5])

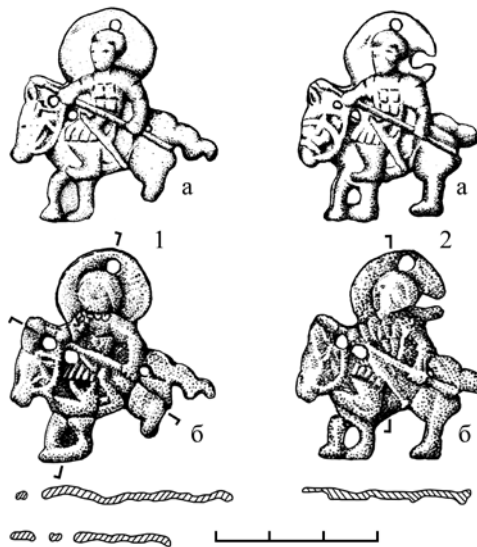

Рис. 3. Бляхи в виде всадников из могильника Сrostки-I. Рисунки В.В. Горбунова (1а и 2а) и А.Л. Кунгурова (1б и 2б)

правой ноги лошади до края щита всадника) и ширину 3,9 см (от морды лошади до хвоста). Ее толщина составляет 0,1–0,2 см. Голова и верхняя часть тела человека развернуты в полупрофиль, а нижняя часть тела и нога показаны в профиль. В обеих руках всадник держит копье с четко выделенным наконечником, направленным вверх. К поясу в наклонном положении рукоятью вперед на двух португейных ремнях подвешен прямой меч. На теле воина просматривается пластинчатый панцирь. Нагрудные пластины более широкие, пластины подола более узкие и закрывающие колено. Различимы также линии от наружных пластин. На голове изображен, вероятно, шлем с короткой бармицей. За плечами воина показан округлый щит, выступающий выше головы. В нем сделано отверстие для подвешивания изделия диаметром 0,3 см. Лошадь изображена в профиль. У нее массивная голова с четко выделенным ухом, две передние ноги и одна задняя, которая не долита, а также волнистый хвост, видимо, заплетенный или завязанный узлом. Ото рта лошади к правой руке человека идет повод, на голове частично различимы уздечные ремни. На боку лошади (за всадником, между ногой и мечом) обозначен чепрак. Фигура имеет три отверстия, образовавшихся в процессе отливки: два округлых более крупных – у правой руки человека и одно более мелкое и неровное – у его левой руки.

Для установления химического состава сплава представленной находки использовался портативный рентгенофлуоресцентный спектрометр ALPHA SERIES™ (модель «Альфа-2000», производство США) в комплекте с карманным переносным компьютером (КПК) и испытательным стендом. Исследования проводились непосредственно в БКМ с разрешения главного хранителя музея*.

Сначала тестировалась лицевая сторона бляхи в двух разных местах (голова лошади и центр изделия) без удаления поверхностных окислов. Получены следующие результаты:

– Cu (медь) – 85,51%; Pb (свинец) – 7,91%; Sn (олово) – 6,21%; Fe (железо) – 0,2%; Zn (цинк) – 0,17%;

– Cu – 86,4%; Pb – 7,19%; Sn – 6,24%; Fe – 0,17%.

Затем аналогичным образом исследовалась другая сторона изделия:

– Cu – 87,01%; Pb – 7,32%; Sn – 5,43%; Zn – 0,17%; Fe – 0,08%.

Для получения более объективных показателей небольшой участок оборотной части с изображением щита механически освобождался от загрязнений и окислов. Тестирование осуществлялось в трех разных точках. Зафиксированы следующие поэлементные ряды:

– Cu – 88,42%; Pb – 5,76%; Sn – 5,75%; Fe – 0,07%.

– Cu – 89,42%; Sn – 5,49%; Pb – 5,09%.

– Cu – 87,67%; Pb – 6,61%; Sn – 5,72%.

Полученные данные свидетельствуют о том, что для отливки бляхи использовался медно-свинцово-оловянный сплав, что сказалось и на цвете изделия (рис. 4.-1).

Вторая бляха (рис. 3.-2; 4.-2) почти полностью аналогична первой, ее наибольшая высота 4 см, ширина 3,4 см, толщина 0,1–0,2 см. У лошади более четко видна узда, задняя нога отлита полностью, а хвост, наоборот, не долит. Щит с правого края имеет выемку от литейного брака. Помимо отверстия для подвешивания на щите диаметром 0,35 см данная фигура имеет четыре литейных отверстия: два крупных неровных у правой руки всадника, одно мелкое шелевидное у его левой руки и одно крупное неровное между передних ног лошади.

Указанным спектрометром проведены аналогичные исследования второй бляхи. Сначала тестировалась поверхность на лицевой и оборотной сторонах без снятия окислов. Получены такие результаты:

* Авторы благодарны Н.И. Заниной за возможность проведения необходимых исследований.

– Cu – 86,77%; Sn – 10,65%; Pb – 2,14%; Fe – 0,07%;
– Cu – 84,91%; Sn – 7,34%; Pb – 2,76%.

Затем осуществлялось механическое удаление окислов на небольшом участке в верхней части изображенного щита с оборотной стороны. В двух разных точках получены схожие показатели:

– Cu – 88,67%; Sn – 8,17%; Pb – 3,17%;
– Cu – 88,56%; Sn – 8,28%; Pb – 3,16%.

Все эти данные свидетельствуют о медно-оловянно-свинцовом сплаве.

Рентгенофлуоресцентный анализ показал небольшое отличие состава двух рассматриваемых блях при одинаковых основных компонентах. По всей видимости, они отливались в разных формах и в разное время, но

по одному исходному образцу. Различия в рецептуре сплавов особо не сказались на цвете изделий. По крайней мере, визуально они одинаковы.

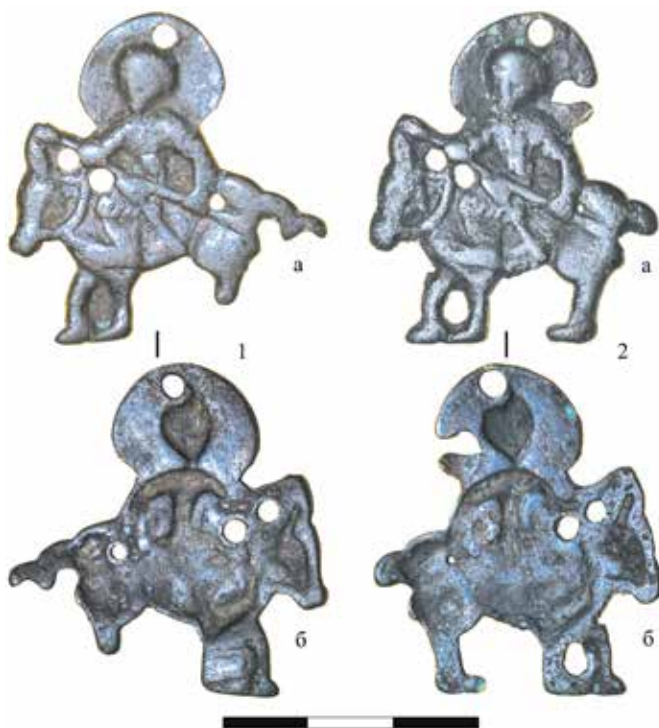

Рис. 4. Бляхи в виде всадников из памятника Сростки-I: 1а и 2а – лицевая сторона, 1б и 2б – тыльная сторона.

Фотоснимки А.А. Тишкина

Обсуждение результатов

К настоящему времени авторам известны семь блях с всадниками-копейщиками, считая сросткинские находки, которые составляют единую морфологическую серию среди произведений малой торевтики [Король, 2008, табл. 13.-11–17]. Самые близкие аналогии публикуемым бляхам происходят из уже упоминавшегося памятника Кондратьевка-IV, где в детском погребении были найдены два всадника-копейщика, входивших в состав ожерелья или головного убора [Алехин, 1998, с. 202, рис. 1.-1–2]. Эти фигурки отличаются более качественной отливкой и мелкие детали на них видны гораздо отчетливей: лица воинов, шлемы и панцири, мечи, головы и узда лошадей, стремена с путлицами (рис. 5.-1–2).

Еще три подвески с такими же конными копейщиками известны из Верхнего Прииртышья (близ г. Семипалатинска и из Аблай-кита (?)) и Минусинской котловины (д. Колмакова (?)) [Отчет Императорской Археологической комиссии..., 1908, с. 76–77, рис. 3; Борисенко, Худяков, 2002, с. 105, рис. 1.-1; Борисенко, Худяков, 2008, с. 47, рис. 5.-2; 6]. Все они являются случайными находками. По стилизации деталей к сросткинским изделиям примыкает бляха из Колмакова (?) (рис. 5.-3). Всадник на предмете из Семипалатинска, судя по опубликованному рисунку, ближе к изделиям из Кондратьевки. На это указывает более детальная проработка панциря и меча, показ гривы у лошади, линия,

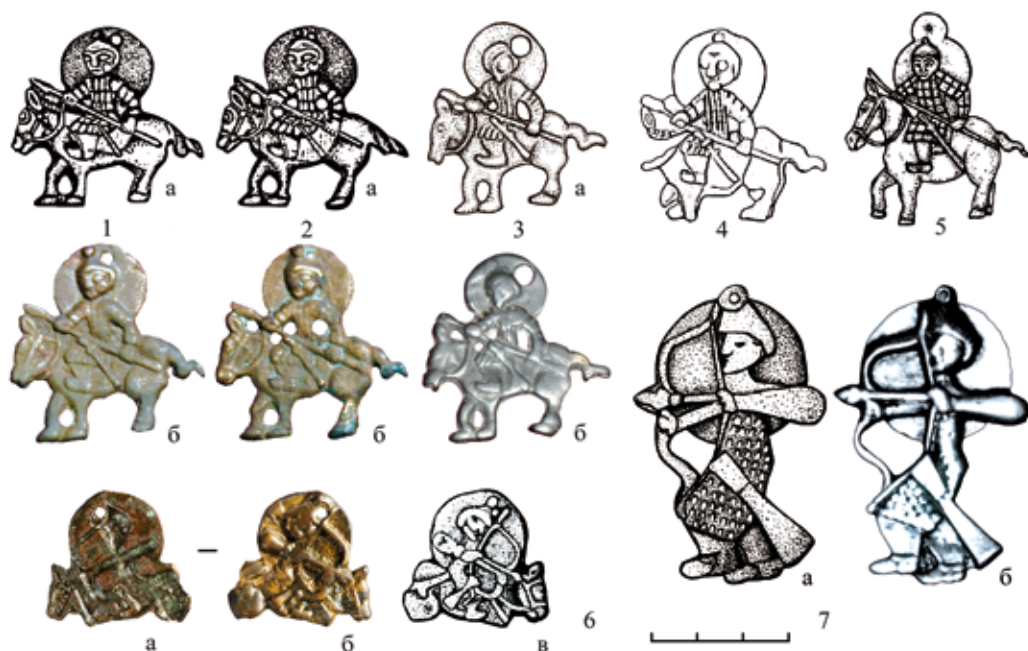

Рис. 5. Бляхи, изображающие воинов со щитами за спиной:

1–2 – Кондратьевка-IV, 3 – Колмаково (?), 4 – Семипалатинск, 5 – Аблай-кит (?),
6 – Гилево-ХII, 7 – Кулундинская волость (по: 1а и 2а – [Алехин, 1998, рис. 1.-1–2];
1б и 2б – фотоснимки Ю.П. Алехина; 3а и 3б – [Борисенко, Худяков, 2008, рис. 5.-2, 6];
4 – [Отчет Императорской Археологической комиссии..., 1908, рис. 3];
5 – [Борисенко, Худяков, 2002, рис. 1.-1]; 6а и 6б – фотоснимки С.В. Семенова;
6в и 7а – [Горбунов, 2003, рис. 36.-4, 5]; 7б – [Борисенко, Худяков, 2008, рис. 9])

передающая стремя (правда, без путлища). Однако воин имеет крупную голову, шлем на которой лишь угадывается. Голова его лошади и одна ее передняя нога обломаны, а вот задние ноги различимы обе (рис. 5.-4). Всадник из Аблай-кита (?)* имеет наибольшие отличия от остальных. У него детально переданы лицо воина, шлем и панцирь, голова лошади с уздой (но без гривы), стремя без путлища. Видны две задние ноги лошади и две передние, которые не соединяются, как на всех других бляхах, а щит снабжен дополнительным округлым выступом с отверстием для подвешивания (рис. 5.-5).

Стилистически к рассмотренной серии примыкают еще две бляхи из погребений на памятнике Гилево-ХII и в Кулундинской волости [Могильников, 2002, с. 31, рис. 82.-16; Горбунов, 2003, с. 8, 13, рис. 36.-4–5]. Изделие из Гилево-ХII представляет всадника в шлеме, стреляющего из лука, с колчаном на боку и закинутым за спину щитом. У его лошади показана узда с поводом, нагрудный и крупный ремни седла, а ноги и часть крупа с хвостом обломаны (рис. 5.-6). Бляха из Кулундинской волости, весьма крупная, изображает пешего воина, стреляющего из лука, на котором показан панцирь, шлем, колчан и круглый щит, также закинутый за спину (рис. 5.-7).

* Аблайкит (Аблайкет, Аблаинкит) – развалины укрепленного буддийского монастыря джунгарского времени, находятся в современном Уланском районе Восточно-Казахстанской области, в долине небольшой речки, впадающей в Иртыш, немного выше г. Усть-Каменогорска.

Рассматривая функциональное назначение сrostкинских блях, изображающих всадников, и аналогичных им изделий, надо исходить из обязательного наличия у них верхнего отверстия, которое расположено в поле щита (рис. 3–4; 5.-1–6). Только у пешего воина из Кулундинской волости такое отверстие находится не в щите, а в навершии шлема (рис. 5.-7). Эти отверстия, скорее всего, служили для продевания ремешка и подвешивания блях в составе нагрудных украшений (медальонов или ожерелий). Видимо, неслучайно бляхи-всадники из Сrostков упоминаются в старых описях БKM как «украшения ... нагрудные». Наличие на части таких блях других отверстий могло быть использовано и для их нашивания на одежду или головной убор. Последнее, например, предполагается, наряду с ожерельем, для комплекса из Кондратьевки-IV [Алехин, 1998, с. 202].

Данных о половозрастной принадлежности обладателей блях с воинами весьма мало. В старых описях БKM они трактуются как женские. На памятнике Кондратьевка-IV бляхи-всадники найдены в погребении ребенка 2–3 лет, а на археологическом комплексе Гилево-ХII бляха с конным лучником обнаружена в ограбленном захоронении мужчины и ребенка [Алехин, 1998, с. 202; Могильников, 2002, с. 31].

Исследователи, занимающиеся изучением рассматриваемой здесь группы изделий, отмечают, что использование блях-подвесок с изображениями всадников в целом характерно для тюркской культурной традиции VI–VIII вв., которая испытала определенное иранское и более сильное согдийское влияние [Борисенко, Худяков, 2002, с. 113; Борисенко, Худяков, 2007, с. 89–90; Король, 2008, с. 126, 131]. Конкретное происхождение изображений латных воинов с «диском» за спиной связывается с иконографией Восточного Туркестана [Борисенко, Худяков, 2008, с. 51; Король, 2008, с. 131–132]. Так называемый диск трактуется как нимб – символ буддизма, а сами воины объявляются Буддами [Алехин, 1998, с. 202]. Однако на тех же восточно-туркестанских фресках нимб охватывает лишь голову изображаемых фигур [Дьяконова, 1984, рис. 11], тогда как на рассматриваемых бляхах диск опускается на уровень локтей воина и иногда еще ниже, заходя на спину, и в этом плане гораздо предпочтительнее трактовать его как щит [Худяков, 1986, с. 198, 201, рис. 94; Борисенко, Худяков, 2008, с. 46]. Всадники в шлемах и панцирях со щитами, откинутыми за спину на ремне, весьма близкие по иконографии к сrostкинским и другим бляхам, правда, держащие не копыя, а топоры, нарисованы в пещере 11 Шикшина и датированы VIII–IX вв. [Дьяконова, 1984, с. 102–103, 106, рис. 12]. Их щиты расположены аналогично, но немного ниже шлема. На бляхах щиты выступают чуть выше шлема, видимо, с чисто практическими целями: для того, чтобы обеспечить больше места отверстию для подвешивания. Но есть и другие решения, как на образцах из Аблай-кита (?) и Кулундинской волости (рис. 5.-5, 7).

Заключение

В заключение следует отметить, что все бляхи воинов со щитами, происходящие из погребений, найдены на памятниках, которые расположены в ареале сrostкинской культуры (в пределах Лесостепного Алтая). Эти объекты датируются по комплексу инвентаря 2-й половиной VIII – 1-й половиной XI в. н.э. [Горбунов, 2003, табл. IV]. Скорее всего, произведения торевтики, изображающие конных и спешенных воинов со щитами за спиной, служили украшениями костюма и были характерны именно для сrostкинской традиции. Нахождение отдельных таких блях за пределами ареала памятников сrostкинской культуры (у кимаков и кыргызов) является еще одним проявлением активных контактов между соседними объединениями номадов на юге Западной Сибири, северо-западе Центральной Азии и северо-востоке Средней Азии.

Библиографический список

Алехин Ю.П. Курган кимакской знати на Рудном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 201–203.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение средневековых бронзовых бляшек с изображением всадников в Южной Сибири // Актуальные вопросы истории Сибири. Третьи научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 102–115.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Типология бронзовых бляшек с изображением всадников и лошадей на торевтике тюркских кочевников Центральной Азии раннего средневековья // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2007. Вып. 6. С. 75–98.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изображения воинов на торевтике тюркских кочевников Центральной Азии раннего средневековья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №4 (36). С. 43–53.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.

Горбунов В.В. Антропоморфные подвески из могильника Сростки-I // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул : Азбука, 2010. С. 16–19.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири / Общество изучения Сибири. Новосибирск : Сов. Сибирь, 1930. Вып. 2. 12 с.

Дьяконова Н.В. Осада Кушинагары // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М. : Наука, 1984. С. 97–107, 215–218.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М. ; Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. 332 с.

Могильников В.А. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. : Наука, 1981. С. 45–46.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002. 362 с.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сросткинской культуры Шадринцево-1 // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 163–191.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1905 г. СПб. : Типография Главного управления уделов, 1908. 159 с. : 6 табл. 163 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1986. 268 с.

Zakharov A.A. Beiträge zur Frage der türkischen Kultur der Völkerwanderungszeit // A.A. Zakharov and W.W. Arendt. Studia Levedica: Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh. Archaeologica Hungarica, XVI. Budapest, 1935. S. 6–47.

Fettich N. Honfoglaló Magyarország Fémművészége. Archaeologia Hungarica, XXI. Budapest, 1935. 121 s., 118 táb.

References

Alekhin Yu.P. Kurgan kimakskoj znati na Rudnom Altae [The Mound of the Kimak Nobility in the Ore Altai]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1998. Issue IX. Pp. 201–203.

Borisenko A. Yu., Hudyakov Yu.S. Izuchenie srednevekovykh bronzovykh blyashek s izobrazheniem vsadnikov v Yuzhnoj Sibiri [Study of Medieval Bronze Plaques Depicting Horsemen in Southern Siberia]. Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Tret'i nauchnye chteniya pamyati professora A.P. Borodavkina [Actual Problems of the History of Siberia. The Third Scientific Reading in Memory of Professor A.P. Borodavkin]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. Pp. 102–115.

Borisenko A. Yu., Hudyakov Yu.S. Tipologiya bronzovykh blyashek s izobrazheniem vsadnikov i loshadej na torevtike tyurkskih kochevnikov Central'noj Azii rannego srednevekov'ya [Typology of Bronze Plaques Depicting Horsemen and Horses on Toreutics of Turkic Nomads of Central Asia of the Early Middle Ages]. Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoj Sibiri [Study of the Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Southern Siberia]. Gorno-Altajsk : GAGU, 2007. Issue 6. Pp. 75–98.

Borisenko A. Yu., Hudyakov Yu.S. Izobrazheniya voinov na torevtike tyurkskih kochevnikov Central'noj Azii rannego srednevekov'ya [Warriors' Images on Toreutics of the Turkic Nomads of Central

Asia of the Early Middle Ages]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2008. №4 (36). Pp. 43–53.

Gorbunov V.V. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. I: Oboronitel'noe vooruzhenie (dospek)* [Military Affairs of the Altai Population in the 3rd – 14th Centuries. Part I: Defensive Armament (armor)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 174 p.

Gorbunov V.V. *Antropomorfnye podveski iz mogil'nika Srostki-I* [Anthropomorphic Pendants from the Srostki-I Burial Ground] *Torevtika v drevnih i srednevekovykh kul'turah Evrazii* [Torevtics in Ancient and Medieval Cultures of Eurasia]. Barnaul : Azbuka, 2010. Pp. 16–19.

Gryaznov M.P. *Drevnie kul'tury Altaya* [Ancient Cultures of Altai]. *Materialy po izucheniyu Sibiri / Obshchestvo izucheniya Sibiri* [Materials on the Study of Siberia / Society for the Study of Siberia]. Novosibirsk : Sov. Sibir', 1930. Issue 2. 12 p.

D'yakonova N.V. *Osada Kushinagary* [Siege of Kushinagary]. *Vostochnyj Turkestan i Srednyaya Aziya* [East Turkestan and Central Asia]. M. : Nauka, 1984. Pp. 97–107, 215–218.

Korol' G.G. *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki* [Art of Medieval Nomads of Eurasia. Essays]. M. ; Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2008. 332 p.

Mogil'nikov V.A. *Srostkinskaya kul'tura* [Srostkinskaya Culture]. *Stepi Evrazii v epohu srednevekov'ya* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. M. : Nauka, 1981. Pp. 45–46.

Mogil'nikov V.A. *Kochevniki severo-zapadnykh predgorij Altaya v IX–XI vekah* [Nomads of the Northwestern Foothills of Altai in the 9th – 11th Centuries]. M. : Nauka, 2002. 362 p.

Neverov S.V., Gorbunov V.V. *Kurgannyj mogil'nik srostkinskoj kul'tury Shadrincevo-I* [Kurgan Burial Ground of the Srostkinskaya Culture of Shadrincevo-1]. *Arheologiya, antropologiya i etnografiya Sibiri* [Archaeology, Anthropology and Ethnography of Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 163–191.

Otchet Imperatorskoj Arheologicheskoy komissii za 1905 g. [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1905]. SPb. : Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1908. 159 s. : 6 tabl. 163 p.

Hudyakov Yu.S. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii* [Armament of Medieval Nomads of South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1986. 268 p.

Zakharov A.A. *Beiträge zur Frage der türkischen Kultur der Völkerwanderungszeit*. In: A.A. Zakharov and W.W. Arendt. *Studia Levedica: Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh. Archaeologica Hungarica, XVI*. Budapest, 1935. S. 6–47.

Fettich N. *Honfoglaló Magayrság Féművészége. Archaeologia Hungarica, XXI*. Budapest, 1935. 121 s., 118 táb.

V.V. Gorbunov, A.A. Tishkin

Altai State University, Barnaul, Russia

METAL PLATES IN THE FORM OF WARRIORS-RIDERS FROM THE SROSTYKI-I SITE: HISTORY OF RESEARCH, NEW INFORMATION AND X-RAY FLUORESCENCE ANALYSIS

The article presents the results of the study of two metal plates of the early Middle Ages, depicting armed riders. The finds are stored in the Bianki Biysk Museum of Local Lore (Altai Territory, Russia). They were discovered by M.D. Kopytov during the excavation in 1925 of one of the mounds on the well-known site Srostki-I. The paper presents the history of publications of these original artifacts gives the description of their shape, design and dimensions. Detailed consideration is given to the image of riders and horses, weapons and equipment. Graphic drawings and photographs of museum exhibits are submitted. The analysis is given to the results of chemical analysis of the products obtained with the use of a portable X-ray fluorescence spectrometer. The circle of analogies is outlined with the horsemen-riders that were published in detail in the materials of archaeological complexes of the 8th – 9th centuries and random finds. It is noted that the main area of existence of such products coincides with the territory of distribution of the Srostki culture sites.

Key words: forest-steppe Altai, Biysk Museum, toreutics, horse warriors images, X-ray fluorescence analysis, Srostkinskaya culture, Middle Ages era.